

Глава 23. Не первая встреча, а любовники

— Что я говорил? — Еян Цы приподнял фонарь, освещая лицо Цинь Шэня. — Князю лучше прятать свои тайны понадёжнее, чтобы я случайно на них не наткнулся.

Цинь Шэнь надавил на рукоять меча Цзян Ко, возвращая клинок в ножны.

— Почему ты бродишь по галерее посреди ночи?

— Посреди ночи за окном мелькает тень. Я подумал, что это прекрасная дева пришла на свидание, и вышел встретить.

Цинь Шэнь сделал вид, что не понял намёка, отвернулся и несколько раз кашлянул, грубо меняя тему:

— Судя по твоим словам, ты не удивлён. О реформе горного дела ты уже слышал? У тебя есть осведомители в столице? При дворе или в императорском дворце?

Еян Цы с усмешкой посмотрел на него:

— Знаю и знаю, к чему спрашивать об источнике? Я ведь не спрашиваю, откуда новости у князя. Что, князь снова хочет поговорить со мной по душам, едва познакомившись?

Цзян Ко, подавив жалость, тихо предупредил господина:

— Князь, это вопрос жизни и смерти, нельзя доверять первому встречному. К тому же он слышал об Учэне...

Цинь Шэнь внезапно шагнул к Еян Цы, обхватил его за талию и прижал к себе. Он сказал командиру:

— Это не первая встреча, мы любовники. Этот князь верит, что Цзеюнь не станет убивать своего мужа.

Цзян Ко застыл в шоке.

Еян Цы тоже был несколько ошеломлён. Он растерянно моргнул, откинул голову назад, чтобы избежать давления чужой груди, и хотел было что-то сказать в свою защиту, но не сразу нашёл подходящие слова.

Он быстро пришёл в себя, оттолкнул руку, лежавшую на его талии, и с усмешкой произнёс:

— Что за вздор вы несёте, князь, при подчинённом? Я человек порядочный, не занимаюсь непотребством. Прошу вас, ведите себя прилично.

Но эта секундная заминка позволила Цинь Шэню разглядеть его истинную натуру: этот человек, называющий себя содомитом и постоянно отпускающий двусмысленные шуточки, в делах амурных, похоже, был лишь теоретиком.

«Возможно, есть и другой способ управлять желанием. Я не должен позволить себе оставаться ведомым»

В его голове мелькнула смутная мысль. Князь, не подавая вида, сохранил её, ожидая подходящего момента для проверки.

Цзян Ко заикался:

— Л-любовники? Князь, вы уверены? Он ведь...

— Мужчина, я знаю, — князь, глядя на Еян Цы, смягчил тон. — Но он так красив.

«Если бы он заговорил о родстве душ, я бы ни за что не поверил. Сердце нашего князя покоится на дне глубокого омута, с кем оно могло бы найти отклик?»

Но эта «красота» была настоящей. Настолько, что мимолётная интрижка казалась бы кощунством, а короткий роман — слишком мимолётным. Стать его постоянным спутником — вот что было бы по-настоящему правильно.

Цзян Ко засунул меч за пояс и поклонился Еян Цы:

— Я был груб, прошу прощения, господин.

Еян Цы почувствовал, что-то не так. Не то чтобы его отношение было плохим, наоборот, слишком хорошим, а потому — неправильным.

— Командир Цзян, — попытался он исправить ситуацию, — у нас с князем нет ничего предосудительного.

Цзян Ко повторил:

— Да, ничего предосудительного. Я всё понимаю.

Уголок рта Еян Цы дёрнулся. Он поднял голову и сердито посмотрел на Цинь Шэня. Тот лишь

неопределённо улыбнулся, взял его за руку и сказал:

— Ночь темна и сыра, обсудим всё в покоях.

— Нет, поговорим здесь... Командир Цзян, не уходите, — крикнул Еян Цы.

Но тот, поклонившись, бросил: «Князь и господин, отдыхайте. Я удаляюсь», — и поспешно ушёл.

Еян Цы тихо вздохнул и высвободил руку.

— Ну вот, теперь и в Жёлтой реке не отмоешься.

Цинь Шэнь спросил в ответ:

— А перед кем отмываться?

— И то верно. Здесь никого нет, так что зря стараться. В следующий раз, когда князь захочет очернить себя, предупредите меня заранее, я отойду подальше.

— Тебе не кажется, что стоять и разговаривать в галерее утомительно? — поинтересовался князь.

Еян Цы ответил:

— Не кажется.

— А мне кажется. От ветра у меня начинается кашель. Я болен, — Цинь Шэнь начал кашлять, прикрывая рот платком.

Еян Цы несколько мгновений смотрел на него, а потом усмехнулся:

— Хорошо, обсудим всё в покоях.

В спальне трепетали тени от свечей. Князь сел, скрестив ноги, на один край кушетки-лохань и жестом пригласил Еян Цы сесть на другой, по обе стороны от низкого столика.

Рядом с кушеткой на маленькой жаровне томился отвар из ласточкиных гнёзд с леденцовым сахаром, успокаивающий кашель. На столике стояло блюдо с пирожными из офиопогона, укрепляющими инь, и тарелка с мушмулой, полезной для лёгких. Лёгкие князя Гаотана теперь

были главной драгоценностью в резиденции, и их лелеяли и лекарствами, и едой.

В марте свежих фруктов в этих краях не было. Цинь Шэнь, вымыв руки, принялся чистить мушмулу из Фуцзяня.

Пальцы у него были толстые, а плоды — мелкие. Еян Цы, видя, как он мучается, взял серебряную ложечку из пустой глазурованной мисочки и стал её краем соскребать кожуцу с плода.

После этого мушмула стала чиститься гораздо легче. Князь, срывая кожуцу, сказал:

— В покоях только мы вдвоём. Мы ведь уже так хорошо знакомы, почему бы не поговорить начистоту?

Еян Цы поджал губы:

— Не так уж и хорошо. К тому же, каждый хочет, чтобы другой был откровенен, а сам при этом лукавил, не так ли, князь?

Князь, очистив одну мушмулу, протянул её за черенок, демонстрируя самое любезное расположение:

— Цзеюнь, ты как-то сказал, что хочешь стать моим советником.

— А князь разве не ответил, что в его резиденции уже есть два гостя и один наставник, и в ещё одном советнике на полставки он не нуждается?

— Тогда не нуждался, а теперь жажду талантов.

— Добрый конь не возвращается на старое пастбище.

— Кто сказал? — возразил Цинь Шэнь. — Я возвращаюсь.

Еян Цы парировал:

— Я — добрый конь, ты — пастбище. Добрый конь не возвращается на старое пастбище.

Князь беззвучно вздохнул и поторопил его:

— Сок капает мне на руку, скорее бери.

Еян Цы пришлось взять. Цинь Шэнь вытер руки влажным платком и принялся чистить вторую. Собеседник, медленно откусывая, сказал:

— Если князь...

— Цзяньчуань. Зови меня Цзяньчуань, — перебил он его.

Еян Цы с косточкой мушмулы во рту склонил голову набок и посмотрел на него.

Князь, словно по наитию, пододвинул к нему пустую чашку, чтобы тот выплюнул косточку.

— Если ты хочешь лишь совета, я могу проанализировать для тебя... для Цзяньчуаня кое-что, — произнёс Еян Цы.

— Буду рад услышать.

— Ты в ловушке, — голос Еян Цы был тихим, но слова прозвучали как гром. — Но в ловушке ещё можно выжить. Самое страшное, что если сегодня не найти выход, твой путь будет становиться всё труднее, пока ты не окажешься в безвыходном положении.

Цинь Шэнь молчал, его дыхание было ровным и глубоким. Он сжимал в пальцах сухой платок и, прикрыв рот, кашлянул дважды.

— Цзеюнь, продолжай.

— Твой отец, прежний князь Лу, ушёл слишком рано. Иначе, с его заслугами в основании государства вместе с императором и великой княжной, а также с его авторитетом в армии, он, даже лишившись военной власти, мог бы прочно занимать высокое положение, уступая лишь одному, и обеспечил бы своих потомков как минимум на два поколения.

— Вы, трое братьев, осиротели всего через пять лет после основания государства. Когда прежний князь Лу умер, его старшему сыну Цинь Сюню было всего лишь двенадцать-тринадцать лет, он был подростком. Второму сыну, Цинь Туаню, было всего несколько лет, а ты только что родился. Княгиня Лу, не вынеся потери любимого мужа, ушла из жизни, оставив вас связанными одной судьбой — троих братьев, зависящих друг от друга. Увы, судьба непредсказуема, радости и горести не подвластны человеку.

Еян Цы кивнул сам себе:

— Если бы Цинь Сюнь, унаследовавший титул князя Лу, обладал хотя бы половиной способностей своего отца, он смог бы укрепиться при дворе и обеспечить двум младшим братьям спокойную жизнь. Но он умер молодым, и причина его смерти... по крайней мере, по

слухам, что ходят при дворе и в народе, не слишком благовидна.

Цинь Шэнь так сильно сжал платок, что хрустнули костяшки.

— Брат... был хорошим человеком, — с трудом произнёс он. — Он не посрамил отца.

— Четыре года назад Цинь Сюнь умер от болезни, и его жёны и наложницы последовали за ним. У него не осталось наследников. Говорят, это из-за того, что он долгое время принимал наркотический порошок пяти минералов, который истощил его тело. Двор, чтобы скрыть эту неблаговидную причину смерти, щедро наградил его вдов за «верность», и даже воздвиг в их честь мемориальную арку из белого мрамора под названием «Далёкие волны, лёд и снег», прославляя на всю Поднебесную добродетельных вдов, последовавших за мужьями в могилу.

Цинь Шэнь холодно хмыкнул.

— Не думаю, что хоть одна из моих невесток нуждалась в этой дряни, — с презрением сказал он. — Умереть или жить — это их выбор, и им не нужна какая-то арка, чтобы доказать свою правоту. И уж тем более их не следовало использовать как инструмент для поучения народа.

Еян Цы вздохнул:

— Да. Но именно поэтому, если бы одна из этих «добродетельных вдов», чьё имя высечено на арке, оказалась жива, для двора это было бы несмываемым позором, а для императора, собственноручно начертавшего название арки, — преступлением против государя. Это твоя первая ловушка.

— Есть ещё? Давай, выкладывай всё.

— Твоя вторая ловушка — твой второй брат, Цинь Туань, унаследовавший титул князя Лу. Честно говоря, я не очень хорошо знаю этого малого князя Лу, но из того, что я видел и о чём думал с момента прибытия в Сяцзинь, у меня сложилось впечатление, что Цинь Туань не испытывает к тебе, своему третьему брату, особой братской любви.

— Это ещё мягко сказано, — ответил князь. — Почему бы тебе не выразиться порезче?

Еян Цы больше не сдерживался:

— Цинь Туань — это струна, намотанная на твою шею, которая медленно, очень медленно затягивается, чтобы задушить тебя.

Князь коснулся своей шеи. Он постоянно чувствовал эту невидимую удавку и раз за разом отчаянно пытался вырваться.

— Он — циньван, ты — цзюньван. Ваши владения находятся в одной префектуре, и по этикету он — глава твоего дома. Твои земли, твоё жалование, твой будущий брак, твои дети, даже каждая твоя поездка — всё под его надзором и контролем. Он сослал тебя в самый бедный уезд префектуры Дунчан и помыкает тобой, как хочет. Твоё украденное зерно тайно везут в Ляочэн, где находится его резиденция. Твоих спасённых невесток и племянников он тоже не оставляет без внимания. Я полагаю, если ты и дальше будешь терпеть, он женит тебя, и какой будет твоя княгиня Гаотанская, будет зависеть только от его настроения. А дальше — будут ли у тебя наложницы, сколько у тебя родится детей — ничего не будет зависеть от тебя.

— Цинь Шэнь, ты словно муха, попавшая в его паутину. Он медленно опутывает тебя шёлком, превращая в плотный, непроницаемый кокон. А когда ему окончательно надоест, он вонзит в твоё обездвиженное тело свой хоботок и высосет досуха.

Отвар из ласточкиных гнёзд на жаровне закипел. Еян Цы помешал его ложкой с длинной ручкой. Его голос стал острым, как лезвие:

— Но, Цинь Шэнь, ты ведь не из тех, кто смиряется с судьбой и позволяет кому-то превратить себя в муху в паутине?

— Есть ещё? — хрипло спросил князь.

— Конечно. Третья ловушка, и самая большая — император забирает права на добычу полезных ископаемых. Тебе придётся отдать последний источник свободных средств, и после этого ты будешь полностью зависеть от милости двора. Серебряный рудник Дацинхэ — это не просто твоя личная казна, это символ признания боевых заслуг твоего отца и заботы о его сиротах. Как только его заберут, ты увидишь, как изменится и отношение двора. Память о твоём отце будет постепенно стираться, наследие великого маршала, защитившего страну, станет подобно жемчужине, упавшей в грязь, — быстро потускнеет и в конце концов смешается с песком, затерявшись в бесчисленных тёмных трещинах истории.

— Более основательной зачистки и представить себе нельзя.

Еян Цы налил в маленькую чашечку отвар из ласточкиных гнёзд с леденцовым сахаром и поставил её перед князем. Рядом положил изящную серебряную ложечку.

— Цзяньчуань, — сочувственно произнёс он, — как же тебе тяжело!